

УДК 101.1:316:37(045)

*В.В. Нурмухаметова***ОБРАЗОВАНИЕ КАК КАНАЛ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ КОРРУПЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Представлен социально-философский анализ образования как канала социальной мобильности в условиях системной коррупции, проведенный с позиций синергетического и конструктивистского подходов на основе классической теории социальной мобильности, философии мобильности и архетипике. Сформулирована острая проблема, требующая комплексного научного исследования и социально-философского анализа, состоящая в том, что системная коррупция тормозит или вовсе блокирует функционирование образования как самого массового и эффективного канала социальной мобильности. Тем самым наносит не только социально-экономический ущерб обществу, но и создает условия для формирования устойчивой и трудно искоренимой коррупционной стратегии социального поведения. Целью данного исследования является социально-философский анализ сущности коррупции и коррупционных практик в образовании как канале социальной мобильности, а также социокультурных эффектов и перспектив функционирования образования в качестве канала социальной мобильности в условиях системной коррупции. Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в обобщении методологических подходов к исследованию коррупции в образовании и применении результатов обобщения к проблеме влияния коррупционных практик на осуществление образованием в обществе функции канала социальной мобильности. Научная новизна состоит в социально-философском осмыслении сущности коррупции как серьезного препятствия эффективному функционированию образования как канала социальной мобильности, имеющего разрушительные последствия для социально-экономического и культурного развития современного общества вплоть до явлений социальной нестабильности.

Ключевые слова: образование, канал социальной мобильности, системная коррупция, коррупционные практики, социально-философский анализ.

DOI: 10.35634/2412-9550-2024-34-2-120-129

Введение

В современном мире коррупция признана существенной угрозой, подрывающей нормальное функционирование общества и государства, серьезным дестабилизирующим фактором, несущим опасность национальной безопасности. Системная коррупция представляет собой самый опасный вид коррупции, поскольку «ставит под угрозу взаимодействие между различными слоями и группами общества, с одной стороны, и государством – с другой» [20, с. 33]. Социально-экономическая подсистема общества в условиях системной коррупции не способна к развитию и модернизации. У граждан вырабатывается норма коррупционного поведения: коррупция воспринимается позитивно, как допустимый и социально одобряемый способ удовлетворения потребностей. Коррупция становится «конвенцией о взаимном удовлетворении индивидуальных интересов» [27]. Исследователи отмечают, что системная коррупция влечет за собой рост протестных настроений в социальной среде вплоть до экстремизма, что, в свою очередь, может привести к самым разрушительным последствиям для общества и государства. Угрозу разрастания коррупции трудно переоценить.

Одной из самых существенных угроз для общества является поражение коррупцией образования. Образование предстает в качестве сложного многомерного социокультурного феномена, выступающего в качестве социального института, формализованного процесса передачи социокультурного опыта последующим поколениям, фактора социально-экономического развития общества, терминальной социальной и индивидуальной ценности [17]. Сегодня образование является фактором обеспечения конкурентоспособности общества на международной арене, поэтому особенно важно его успешное функционирование в качестве наиболее массового канала социальной мобильности, поскольку привлечение самых образованных и подготовленных специалистов в ряды элиты позволяет наиболее эффективно и продуктивно решать различные общественно значимые задачи. Отсюда следует важная социальная проблема, требующая комплексного научного исследования и социально-философского анализа: системная коррупция тормозит или вовсе блокирует функционирование образования как самого массового и эффективного канала социальной мобильности, тем самым наносит не только социально-экономический ущерб обществу, но и создает условия для формирования устой-

чивой и трудно искоренимой коррупционной стратегии социального поведения индивидов. В долгосрочной перспективе коррупция в образовании способствует общему снижению качества образования как такового и замещению образования другими социальными каналами, лестницами и лифтами, формирующими элиту по иным признакам, нежели личные заслуги, образовательный и профессиональный статус, и далее – социальной напряженности и нестабильности.

Целью исследования является социально-философский анализ сущности коррупции и коррупционных практик в образовании как канале социальной мобильности, а также социокультурных эффектов и перспектив функционирования образования в качестве канала социальной мобильности в условиях системной коррупции.

Методология исследования

Исходным методологическим основанием данного социально-философского исследования является синергетический подход (И. Пригожин, Г. Хакен, Н.Н. Моисеев, С.П. Курдюмов, Е.Н. Князева), позволяющий рассматривать общество как сложную открытую саморазвивающуюся систему, стремящуюся к упорядочиванию социальных объектов, явлений и процессов посредством функционирования социальных институтов, например, такого, как институт образования. Подход позволяет рассмотреть коррупцию как один из множества элементов хаоса в стремящемся к определенности социальном бытии.

В рамках конструктивистского подхода (П. Бергер, Т. Лукман, Я.И. Гилинский) лежит фундаментальная мысль, что «реальность социально конструируется» [2, с. 9]. Социальный конструктивизм исходит из того, что реальность состоит из множества социальных конструктов, существующих в виде массового поведения, их знаковой формы и ментального образа. Так, «...наличие множества фактов продажности (взятничества) различных государственных служащих и должностных лиц; осознание этих фактов как социальной проблемы; криминализация некоторых форм коррупционной деятельности; реакция политиков, правоохранительных органов, юристов, средств массовой информации, населения на коррупцию» [11, с. 163] составляет содержание процесса социального конструирования коррупции. Исследователями доказано, что коррупция издревле проявлялась в российском обществе, буквально пронизывая его, но не осмыслялась как социальная проблема, как девиация. Подход позволяет понять, каким образом институционализируется девиантность феномена коррупции, а значит осмыслить сущность коррупции как социального явления и затем подвергнуть анализу феномен образования как фактор социальной мобильности, пораженный системной коррупцией.

Исследование базируется на теории социальной мобильности П.А. Сорокина, согласно которой социальная мобильность – «любое перемещение индивидуального или социального объекта или ценности – всего, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, – из одного положения в другое» [28, с. 119]. Э. Гидденс же трактует данный социальный процесс как «движение отдельных людей и групп от одного социоэкономического положения к другому» [33, с. 268]. Вертикальная мобильность существует за счет «отверстий», «лестниц», «подъемников», «каналов», «лифтов», позволяющих индивидам или социальным группам подниматься на более высокие статусные позиции в социальном пространстве. Теория позволяет выявить и проанализировать барьеры и фильтры, сконструированные коррупцией, затрудняющие или останавливающие функционирование образования как средства отбора и распределения индивидов по различным социальным позициям в современном обществе.

Другим фундаментальным подходом в исследовании является философия мобильности, в основе которой лежит философско-методологическая картина социальной мобильности, которая в условиях современного общества представлена в совершенно новом качестве, что приводит к необходимости исследовать феномен социальной мобильности по-новому (Дж. Урри, В.М. Русаков). В рамках данного подхода социальная мобильность представлена как коренное свойство современной социальности, усилившееся в условиях глобализации и цифровизации. Как отмечают В.М. Русаков и О.Ф. Русакова, «многообразие эмпирических наблюдений остро подчеркивает необходимость разработки методологии исследования мобильности» [25, с. 13]. О «мобильном повороте» в социальных науках и о «парадигме новой мобильности» заявлено М. Шеллером и Дж. Урри [31; 35]. Дж. Урри предложено заменить понятие «общество» на «мир сетей и потоков», что позволяет наиболее точно отразить современную социальную реальность [31]. Философия мобильности позволяет взглянуть на современный социальный мир как на нечто постоянно изменяющееся и движущееся, подталкивает

отказаться от статичных видов анализа осмысления социальности. Данный методологический подход позволяет расширить границы понимания социальной мобильности и существующих каналов социальной мобильности, а также различных факторов, способствующих или препятствующих интенсивности их функционирования, в том числе и коррупции.

Рассмотрение коррупционного поведения как действия социальных субъектов на подсознательном уровне, как «архетипа социального управления» (П. Бурмейстер, Т.К. Сиссенер) присуще архетипике, выступающей еще одним методологическим подходом, плодотворно используемом при исследовании коррупционных практик в образовании.

Результаты и их обсуждение

Общество есть саморазвивающаяся система, стремящаяся адаптироваться к условиям своего существования. Вследствие потребности адаптироваться к среде исторически возникают социокультурные феномены, позволяющие сделать это наиболее эффективно. К числу таких феноменов, сконструированных с целью воспроизводства, изменения и развития социальной реальности, относится образование, реализующее самые разнообразные социальные функции [17]. В качестве социального лифта образование представляет собой «механизм рекрутинга представителей «не элиты» в элиту» с целью обновления элиты и привлечения в ее ряды наиболее способных и образованных, а также выполнения ею управленческих функций в обществе только в одном случае: если образование напрямую связано с потребностями рынка [8]. В этом случае элита может пополняться двумя категориями социальных субъектов из низов: «способными выскочками» – мотивированными на получения знаний, компетенций, квалификации с целью «выбиться в люди» либо «бездарными проходимцами», планирующими делать карьеру с помощью сомнительных инструментов, в том числе и коррупционных [12, с. 37].

С точки зрения отечественных исследователей [24; 30], в России сложилась уникальная ситуация неработающих социальных лифтов и каналов, берущая свое начало с 1990-х годов – эпохи кардинальных перемен во всех сферах российского общества. Коррупция определена как один из самых серьезных барьеров для осуществления социальной мобильности. Исследователи отводят образованию одно из первостепенных мест среди всей совокупности факторов социальной мобильности [16; 21; 23], поэтому поражение образования коррупцией становится особо социально опасным.

В современных исследованиях различают институционализированные и неинституционализированные, меритократические и немеритократические каналы социальной мобильности. Так, О.Ю. Посухова к числу институционализированных каналов профессиональной мобильности относит образование, а к числу неинституционализированных – протекционизм, коррупцию, вхождение в различные преступные структуры [21]. В.Е. Гимпельсон, Г.А. Монусова определяют меритократические каналы социальной мобильности как работающие на основе личных заслуг и вклада социальных субъектов с целью справедливого распределения социальных позиций, к которым принадлежит образование. Следовательно, коррупция идентифицируется как немеритократический канал социальной мобильности, причем «богатая семья, высокообразованные родители, полезные связи» определяются как статусные инструменты социальной мобильности [5]. Тем самым, образование признается позитивным социальным конструктом – социально одобряемым, востребованным и массовым каналом изменения социальных позиций индивидов, тогда как коррупция, по своей сути, имеет ярко выраженный негативный характер канала социальной мобильности. При сращивании образования и коррупции появляется уродливый социальный капитал, грозящий экономическим упадком и нравственным разложением общества.

Чисто правовое понимание коррупции содержится в нормах закона: «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [18]. Исследователи коррупции как правового феномена отмечают, что она проявляется на государственном и частном, низовом и высшем уровнях, подчеркивая особую опасность проявления коррупции на государственном уровне, поскольку «она подрывает доверие к правительству, веру в легитимность государственных институтов и возможность граждан добиться справедливости

во взаимоотношениях с государственными учреждениями» [1, с. 1218], в частности, падает доверие к образовательным организациям, чье имя очернено фактами коррупции. Несомненно, коррупция – феномен правовой практики, его сущность, виды наиболее пристально исследуются в правовой науке. Но, как отмечает О.З. Муштук, коррупция – это «социальное явление, представляющее собой целый комплекс неоднородных по форме и содержанию общественно опасных деяний, живущим и развивающимся по своим собственным неписанным законам и правилам» [15, с. 452]. «Коррупция как явление и отражающая ее междисциплинарная категория детерминирована социальными, культурными и психологическими факторами развития правовой реальности» [27, с. 759], следовательно, необходимо акцентировать внимание на особенностях восприятия коррупционных практик социальными субъектами в различных сферах жизни общества, в том числе и в образовании.

Согласно положениям социального конструктивизма, социальная проблема становится проблемой только в том случае, если какую-либо социальную практику субъекты станут признавать таковой, определив ее вредоносную социальную подоплеку и создав инструменты борьбы с ней. Интересно, что не все существующие разновидности коррупционных практик воспринимаются социально опасными. Так, Е.А. Петрова, Ю.В. Кейзерова анализируют два вида восприятия коррупции: явную (взятничество, подкуп) коррупцию, вызывающую осуждение и неприятие у социальных субъектов, и скрытую коррупцию в виде лоббизма, блата, фаворитизма, кумовства, воспринимающуюся социальными субъектами как допустимый способ удовлетворения социальных потребностей [19, с. 51]. Коррупционные практики второго вида не всегда расцениваются негативно, чаще воспринимаются как «добрые дела, помощь родственникам и знакомым» в сфере образования.

Достаточно интересным представляется подход, согласно которому коррупция выступает как «комплексный правовой архетип», который «определяет ценностные установки сознания и поведения участников правовой коммуникации, ориентирует их на осуществление действий, направленных на удовлетворение индивидуальных (реже групповых и социальных) интересов даже при условии их противоречия законодательству» [27, с. 751]. Исследователи отмечают наличие архетипических черт коррупции в российском обществе [14; 26]. Поэтому задача искоренения коррупции как допустимой социальной практики в сознании российских граждан представляется исследователями в своем решении сверхсложной.

Согласимся с пониманием сущности коррупции в образовании И.А. Дамм [7], а также с точкой зрения Н.П. Бухариной, предлагающей под коррупцией в образовании понимать «общественно опасное социально-правовое явление, возникающее в государственных, муниципальных и частных образовательных организациях и заключающееся в непосредственном либо опосредованном использовании субъектами должностного или служебного положения, статуса в личных или групповых интересах для извлечения выгод, преимуществ материального и нематериального характера» [4, с. 142].

Проявления коррупционных практик в образовании многогранны и разнообразны, но все они затрудняют использование образования в качестве канала социальной мобильности для действительно лучших, успешных и нацеленных на получение профессиональных компетенций обучающихся. Тем самым усложняются процессы качественного обновления элиты. В образовании, пораженном коррупцией, создаются условия для пополнения элиты не самыми лучшими и талантливыми представителями общества.

К числу коррупционных практик в образовании, затрудняющих его функционирование в качестве канала социальной мобильности, относятся как уже вышеупомянутые взятничество, подкуп, вымогательство, блат, фаворитизм, кумовство, так и анализируемые исследователями nepotism, клановость, а также «торговля влиянием, круговая порука, дискриминация по этническому, политическому или социальному признаку, сексуальное домогательство, частное репетиторство и «использование студенческого труда» [10; 15; 32].

Самые распространенные коррупционные практики в образовании – взятничество, вымогательство со стороны должностных лиц в образовательной организации и подкуп со стороны обучающихся. Нередко и эти практики социально допустимы и одобряемы в качестве социального инструмента решения вопросов и проблем в процессе обучения, что ряд исследователей связывает с исторической практикой в России и сложившимся архетипическим коррупционным поведением российских граждан. Взятка – это своеобразный «дар», приношение, благодарность за услугу. Приношение дара, а затем принятие дара – так работает в коллективном бессознательном архетип «дара» [26] в целом, и в сфере образования, в частности. Посредством «дара» обучающийся решает личный вопрос, результатом «да-

ра» выступают документы об образовании – дипломы, свидетельства, удостоверения и т. п., которые открывают их владельцу двери для получения более высоких социальных позиций, для осуществления им вертикальной социальной мобильности, не задумываясь о последствиях коррупции в масштабе государства и о перспективах существования такого государства. Как отмечают исследователи, получение диплома ради того, чтобы «был», всегда связано с коррупцией: «представителям элиты престижные «корочки» могут давать «из уважения», в то время как представители неэлитных групп за не подтвержденные реальными знаниями «корочки» обычно вынуждены платить» [12, с. 36].

Одной из самых опасных коррупционных практик в образовании выступает nepotизм [10; 15]. Обычно под nepotизмом понимается служебное покровительство родственникам и «своим» людям – друзьям, хорошим знакомым. Мало того, речь идет о моральном долге, моральных обязательствах перед семьей, родственниками и друзьями, что зачастую вовсе не трактуется коррупцией, а наоборот, признается нравственной нормой. Nepotизм также следует связывать с понятием семейственности, построенной на «использовании родственных профессиональных связей для обеспечения восходящей социальной мобильности и обогащения членов семьи» [10]. Исследователи выделяют социально эффективную и социально неэффективную семейственность. Так, социально эффективная семейственность проявляется в существовании профессиональных династий, чья деятельность способствует материальному или духовному развитию и процветанию общества. В этом случае речь идет об «образцовых джентльменах» – представителях элиты, ориентированных на получение настоящих глубоких знаний; становясь действительно высококвалифицированными специалистами в самых разных областях, они выступают как «столпы общества», для которых образование – работающий канал социальной мобильности, эффективный инструмент обновления элиты общества. Социально неэффективная семейственность представлена «золотой молодежью» – теми представителями элиты, которые добиваются жизненного успеха без особых знаний (за счет личных связей и/или унаследованного богатства), а потому ориентированными на получение симулякров знаний» [12, с. 37]. Вряд ли в случае социально неэффективной семейственности можно говорить о каком-либо вкладе в развитие общества, скорее о социальном вреде и негативных последствиях пополнения элиты общества представителями «золотой молодежи».

В глубоко пораженных коррупцией образовательных организациях процветает блат – так называемые «полезные связи, знакомства, благодаря которым можно получить разного рода блага в обход общепринятых правил и законов, как правило, в ущерб интересам общества или государства» [15, с. 453], или «использование личных сетей и неформальных контактов для получения товаров и услуг в условиях их дефицита и в обход формальных процедур» [34]. Основой блата является принадлежность субъектов к определенному социальному кругу, и, соответственно, для длительного и успешного функционирования блата необходима целая социальная сеть, через которую проходят все новые и новые субъекты. Нередко само наличие блата в таких организациях ведет к проектированию профессиональных траекторий многих представителей молодежи, заранее знающих, что хорошие знакомые и свои люди поддержат их и создадут условия для получения диплома. Как следствие, образовательные организации, в которых процветает коррупция, не выполняют свою социальную миссию – освоение выпускниками актуальных профессиональных компетенций и пополнение рынка труда востребованными специалистами, а воспроизводят ничего не смыслящих в профессии работников, способных нанести экономике отрасли лишь только вред.

Круговая порука как поддержка, покровительство, солидарность, взаимное укрывательство должностных лиц в образовательной организации, связанных друг с другом коррупционными схемами, – признак глубокого упадка их нравственности и полного разрушения ценностных ориентаций. Круговая порука признается исследователями как важное средство выживания и легитимной частью повседневных практик в таком обществе, в котором сильнее всего проявлена реализация традиционных практик, нежели сконструированных социальных институтов, ориентированных на рынок.

Анализ исследований показывает, что коррупционные практики зачастую представлены в обществах традиционного типа. Именно здесь, несмотря на становление цивилизованных политических, социально-экономических институтов, распространены нецивилизованные социальные практики, в том числе и коррупционного характера, воспринимаемые социальными субъектами как элементы нормы. Так, с одной стороны, работает институт образования, выпускники получают дипломы об образовании, выходят с ними на рынок труда, но, с другой стороны, функционирование образования как канала, обеспечивающего социальному субъекту вертикальную социальную мобильность,

либо затруднено, либо вовсе заблокировано. Такую картину иллюстрируют исследования И.Г. Старикова [30] и А.В. Ледневой [34].

Социально-философский анализ коррупционных практик в образовании высвечивает главную причину, затрудняющую и даже приостанавливающую его функционирование в качестве канала социальной мобильности, заключающуюся в укорененном в сознании российских граждан положительном восприятии коррупции как способа изменения своей социальной позиции и допустимости коррупционного поведения в целом. Следовательно, социальное конструирование коррупции как девиантной формы поведения в российском обществе не завершено. Несмотря на антикоррупционные меры со стороны государства и гражданского общества, продолжает исторически существовать всеобщая культура коррупции, имеющая архетипическую природу, глубоко затрагивающая и образовательную сферу. Коррупционные практики в образовании являются ярким примером реализации деструктивных достижительных стратегий поведения социальных субъектов, сущность которых заключается в том, что «сугубо эгоистическая цель оправдывает их нелегитимное поведение» [9].

Особо разрушительный социокультурный эффект коррупция в образовании имеет для социализации молодого поколения в России. Сегодня российская молодежь вынуждена жить в ситуации жесткого противоречия в восприятии коррупции. С одной стороны, государством принимаются широкомасштабные антикоррупционные меры, проводятся просветительские акции и мероприятия для населения, в том числе и для детей и молодежи, средства массовой информации обличают чиновников-коррупционеров. Словом, планомерно создается негативный образ коррупции в сознании граждан. Но в то же время, с другой стороны, повсеместно социально одобряемые коррупционные практики имеют ужасающую распространенность во всех сферах жизни общества. И впервые, к сожалению, молодежь чаще всего сталкивается с коррупцией именно в период получения образования – среднего специального или высшего. В результате представители молодежи стоят перед лицом морального выбора: быть за или против коррупции. Исследователи отмечают, что «целые поколения молодежи считают, что личный успех приходит не через заслуги и упорный труд, а через фаворитизм, взяточничество и мошенничество» [13]. Н.П. Бухарина подчеркивает, что «...наибольшая общественная опасность (вредность) коррупции в образовательных организациях заключается в том, что в сферу коррупционных отношений включается молодежь, для которой коррупционные практики становятся нормой жизни, имеющей тенденцию к воспроизводству в других сферах общественной жизни» [4, с. 137]. А в условиях повсеместного распространения коррупционных практик «...обостряются проблемы для молодого поколения, связанные с реализацией карьерных намерений, закрываются или ограничиваются возможные пути восходящей социальной мобильности, не действуют социальные лифты, что провоцирует нарастание социальной напряженности в молодежной среде» [10, с. 48]. Следовательно, снова и снова у последующих поколений укореняется коррупционная культура и воспроизводятся работающие коррупционные практики, ведь правила игры таковы.

Одним из социокультурных эффектов распространенности коррупционных практик может служить то, что «на сегодняшний день в России уровень образования не имеет прямой связи с уровнем знаний (компетенциями) индивида» [29, с. 189]. С одной стороны, имеет место феномен избыточного образования, проявляющийся в том, что сегодня многие рабочие позиции не требуют высшего образования, и владельцам дипломов приходится трудиться на должностях, не соответствующих уровню их образования либо не требующих вообще какого-то специального образования. А с другой стороны, диплом не гарантирует работодателю, что его владелец – действительно квалифицированный специалист в своей области в силу распространенного феномена симуляции знаний. В итоге российское образование дискредитировано, вера в его качество упала, и, как следствие, запущены негативные процессы в социально-экономической сфере. Исследователи отмечают тот факт, что «склонность к перераспределению зависит не столько от фактического уровня неравенства, сколько от того, вызвано ли это неравенство структурными причинами и создается ли оно способами, которые в глазах большинства не являются легитимными» [5, с. 244]. Тем самым, если образование перестает работать в качестве наиболее массового и эффективного канала социальной мобильности в обществе, а такими каналами становятся теневые практики, в том числе и коррупционные, то в обществе нарастает тенденция требования перераспределения ресурсов, а значит, усугубляется социальная напряженность, грозящая перерасти в деструктивные общественные практики экстремистского и террористического характера. Симуляция образования ведет к его симуляции в качестве канала социальной мобильности: «развитие производства симулякров знаний ведет к усилению социально-экономических

неравенств и деградации общества практически в любой исторический период» [12, с. 31]. И наоборот, признание легитимности существующих меритократических и институциональных каналов социальной мобильности, к числу которых принадлежит образование, понижает градус социальной напряженности, поскольку укрепляет веру социальных субъектов в то, что, используя свой образовательный и личностный потенциал, можно инициировать индивидуальную социальную мобильность. В этом случае растет терпимость к существующему социальному неравенству и снижается склонность к перераспределению ресурсов в обществе.

Перспективы реализации образования в качестве канала социальной мобильности в условиях системной коррупции печальны: социокультурные эффекты коррупционных практик в образовании глубоко подрывают основы стабильности общества. Тем не менее, необходимо оптимистично смотреть в будущее, создавать новые и эффективно использовать имеющиеся механизмы борьбы с коррупцией на всех уровнях существования общества: государственном и частном, социальном и индивидуальном, материальном и духовном. Борьба с системной коррупцией должна идти не ситуационно, не спорадически, не периодически, а системно, планомерно и долговременно. Складывающиеся веками архетипизированные коррупционные практики сверхсложно быстро искоренить. Потому часто исследователи говорят не столько об искоренении коррупции в образовании, сколько о ее минимизации [13]. На наш взгляд, наиболее уместным понятием в отношении борьбы с коррупцией следует считать «противодействие коррупции» как сопротивление ей и деятельность, препятствующая ее повсеместному распространению. Исследователи феномена коррупции в целом и в отдельных сферах общества, в том числе и в образовании, указывают на комплексный характер противодействия коррупции.

На уровне образовательных организаций политика противодействия коррупции выражается в реализации и учебно-методическом сопровождении антикоррупционного образования на всех уровнях образовательных организаций – от начального до послевузовского, а затем и дополнительно, в подготовке квалифицированных специалистов в области преподавания, методологии и исследования проблем противодействия коррупции. Как отмечают специалисты в области противодействия коррупции И.И. Бикеев и П.А. Кабанов, в России «антикоррупционное образование... является одним из наиболее эффективных и перспективных направлений противодействия коррупции в органах государственной власти, в том числе в правоохранительных органах и органах местного самоуправления» [3, с. 178]. Эффективным фактором противодействия коррупции выступает принятие и реализация антикоррупционных стандартов, кодексов антикоррупционного поведения работников образовательных организаций. Но данное направление антикоррупционной деятельности в России, по мнению исследователей, находится на начальном этапе, а также не имеет «единого подхода к закреплению антикоррупционных обязанностей, запретов и ограничений» [6, с. 113].

Реализация противодействия коррупции в образовании со стороны государства и образовательных организаций, на наш взгляд, способна привести к успешной борьбе с коррупцией в данной сфере и запустить нормальное функционирование образования в качестве эффективного массового канала социальной мобильности и, как следствие, качественно улучшить процессы обновления элиты, снизить социальную напряженность и нормализовать социально-экономическое развитие. Но результативность данных мер будет сведена на нет укоренившимися на бессознательном уровне повседневными коррупционными практиками. Поэтому, на наш взгляд, противодействие коррупции начинается в процессе духовно-нравственного становления человека, происходящего прежде всего в семье и его ближайшем окружении. И значимой частью такого становления становится принятие антикоррупционного поведения как единственно возможного и допустимого, а также ярко выраженное неприятие коррупционных практик, в том числе и в образовании. Наиболее точно ситуацию социального противоречия, в которой живет сегодня российская молодежь, описал А.В. Репринцев: когда, с одной стороны, всесторонне декларируется пагубность коррупции, а с другой – демонстрируются и навязываются коррупционные практики как эффективные инструменты удовлетворения социальных потребностей, возникает опасное социально-нравственное явление – дуализм сознания [22]. Так, «антикоррупционный стандарт поведения личности формируется за счет выработки устойчивой привычки добиваться в жизни всего самостоятельно, не полагаться на другого, не жить за счет других» [22, с. 78]. Ориентация на конструктивные достигательные стратегии поведения, использование институционализированных и меритократических каналов социальной мобильности молодежью, к числу которых принадлежит образование, осознание ею своей гражданской ответственности и миссии способно эффективно противодействовать коррупционным практикам в образовании.

Заключение

Специфика социально-философского анализа социокультурных феноменов и конструктов заключается в возможности выработки целостного методологического подхода к выявлению их сущности и проявлений, а также к определению их места и роли в развитии общества и культуры. Синергетический и конструктивистский подходы позволяют проследить процесс институционализации, конструирования и взаимодействия феноменов образования и коррупции в обществе, обуславливают системный анализ сущности коррупции в образовании, а также коррупционных практик в образовании и комплексный характер влияния коррупции на функционирование образования в качестве фактора социальной мобильности.

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования состоит в обобщении методологических подходов к исследованию коррупции в образовании и применении результатов обобщения к проблеме влияния коррупционных практик на функционирование образования в качестве канала социальной мобильности. Научная новизна состоит в осмыслении феномена коррупции как серьезного препятствия эффективному функционированию образования как канала социальной мобильности, имеющего опасные последствия для развития современного общества вплоть до явлений экстремистского характера.

Выводы, сделанные на основе исследования, позволяют переосмыслить сущность образования как фактора социальной мобильности в условиях существования системной коррупции в обществе, понять ее разрушительный характер и определить наиболее эффективные практики противодействия коррупции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Албаниз Дж. С., Артелло К. Коррупционное поведение: эмпирическая типология коррупции на государственном уровне по признаку цели и метода // *Actual problems of economics and law*. 2019. Т. 13, № 2. С. 1215–1229. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.2.1215-1229>.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Бикеев И.И., Кабанов П.А. Антикоррупционное образование в России: состояние и перспективы // *Бизнес. Образование. Право*. 2010. № 3 (13). С. 178–188.
4. Бухарина Н.П. Коррупция в образовательных организациях: понятие и признаки // *Актуальные проблемы российского права*. 2016. № 12 (73). С. 133–144. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.73.12.133-144.
5. Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // *Экономический журнал ВШЭ*. 2016. № 2. С. 216–248.
6. Дамм И.А. Антикоррупционные стандарты поведения работников образовательных организаций высшего образования // *LEX RUSSICA (Русский закон)*. 2018. № 8 (141). С. 113–129. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.141.8.113-129.
7. Дамм И.А. Коррупция в сфере образования: понятие, характерные черты, формы и виды // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. Т. 10, № 4. С. 5–17. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.4.5-17.
8. Журавлев Д. О вертикальной мобильности в условиях выхода из кризиса. URL: <http://www.irpr.ru/2017/11/23/eshhe-raz-o-vertikalnoj-mobilnosti-i-socialnyx-liftax/> (дата обращения: 17.01.2024).
9. Заславская Т. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2000. № 6(50). С. 14–19.
10. Иванова Е.Ю. Семейственность (непотизм) как деструктивная форма профессиональных династий: государственная политика и общественное мнение // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 5. С. 42–50.
11. Конструирование девиантности / Монография. Составитель Я.И. Гилинский. СПб: Издательство ДЕАН, 2011. 224 с.
12. Латов Ю.В., Ключарёв Г.А. Неформальные «правила игры» в образовательной системе: симуляция образования, симулякры и брокеры знаний // *Общественные науки и современность*. 2015. № 2. С. 31–42.
13. Логунова О.А., Логунова Е.Г. Проблема коррупции в сфере образования: опыт социологического исследования // *Дискуссия*. 2016. № 5 (68). С. 69–74.
14. Мухамедьярова Л.В., Газизова О.В. Основные детерминанты коррупционного поведения и формирование антикоррупционной устойчивости // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 14–2. С. 90–96.
15. Муштук О.З. Непотизм и кумовство как разновидность коррупции на российском фоне // *Концептуал: сборник научных трудов кафедры философии и истории. Московский финансово-промышленный университет «Синергия»* / сост. А.В. Матюхин. М., 2016. С. 451–463.

16. Николенко Н.А. Социальная мобильность в научном дискурсе общественных наук // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. 2014. № 4 (24). С. 24–35.
17. Нурмухаметова В.В. Социально-философские аспекты образования как фактора обеспечения социальной мобильности в современном обществе: монография. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. 100 с.
18. «О противодействии коррупции»: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1 (дата обращения: 17.01.2024).
19. Петрова Е.А., Кейзерова Ю.В. Восприятие коррупции: социально-психологический аспект // Ученые записки Российского государственного социального университета, 2017. № 3 (142). С. 50–59. DOI: 10.17922/2071-5323-2017-16-3-50-59.
20. Подольный Н.А., Подольная Н.Н. Системная коррупция – системная угроза взаимодействию между обществом и государством // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 33–39.
21. Посухова О.Ю. Неинституционализованные каналы профессиональной мобильности в российском обществе. URL: http://omonosov.econ.msu.ru/2007/17/posyhova_ou.doc (дата обращения: 17.01.2024).
22. Репринцев А.В. Духовно-нравственная культура общества как фактор формирования антикоррупционного стандарта поведения личности: что может воспитание? // Психолого-педагогический поиск. 2009. № 11. С. 71–79.
23. Реутова М.Н. Межпоколенная мобильность молодежи: профессиональный и образовательный аспекты / М.Н. Реутова // Социальная политика и социология. 2004. № 3. С. 54–67.
24. Романова К.С. Социальные лифты как средство социальной мобильности // Дискурс Пи. 2015. № 2 (19). С. 30–34.
25. Русаков В.М., Русакова О.Ф. Философия мобильности в современном мире // Дискурс Пи. 2015. № 2 (19). С. 10–18.
26. Сиссенер Т.К. Феномен коррупции в антропологической перспективе / Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. СПб.: Алетейя, 2007. С. 56–82.
27. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И., Краснов А.В. Дискурс коррупции в российском обществе // Russian Journal of Economics and Law. 2021. Т. 15, № 4. С. 751–764. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.751-764>.
28. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia; LVS, 2005. 588 с.
29. Социальная мобильность в России: поколенческий аспект: [монография] / [А.В. Ваньке и др.]; отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, А.В. Ваньке. Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН, 2017. 384 с.
30. Стариков И.Г. Социальный капитал и социальная мобильность в Махачкале, или Что делать, если у тебя нет влиятельных родственников? // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 153–164.
31. Урри Дж. Мобильности. М: Праксис, 2012. 576 с.
32. Albanese J.S. Transnational crime and the 21st century: Criminal enterprise, corruption, and opportunity, New York, NY: Oxford University Press, 2011.
33. Giddens Je. Sociologija [Sociology]. Moscow: Editorial URSS, 2005.
34. Ledeneva, Alena V. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
35. Sheller Mimi, Urry John. The new mobilities paradigm // Environment and Planning. 2006. Vol. 38. P. 207–226.

Поступила в редакцию 29.01.2024

Нурмухаметова Виктория Васильевна, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42
E-mail: Viktonur@yandex.ru

V.V. Nurmukhametova

**EDUCATION AS A CHANNEL OF SOCIAL MOBILITY
IN THE CONTEXT OF SYSTEMIC CORRUPTION: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

DOI: 10.35634/2412-9550-2024-34-2-120-129

The article presents a socio-philosophical analysis of education as a channel of social mobility in the context of systemic corruption, conducted from the standpoint of synergetic and constructivist approaches based on the classical theory of social mobility, philosophy of mobility and archetypes. A problem requiring comprehensive scientific research and socio-philosophical analysis is formulated, which consists in the fact that systemic corruption slows down or completely blocks the functioning of education as the most massive and effective channel of social mobility. Thus, it not only causes socio-economic damage to society, but also creates conditions for the formation of a stable and difficult to eradicate corruption strategy of social behavior. The purpose of this study is a socio-philosophical analysis of the essence of corruption and corrupt practices in education as a channel of social mobility, as well as socio-cultural effects and prospects for the functioning of education as a channel of social mobility in conditions of systemic corruption. The theoretical and practical significance of the study consists in generalizing methodological approaches to the study of corruption in education and applying the results of the generalization to the problem of the influence of corrupt practices on the implementation of such a function of education in society as being a channel of social mobility. The scientific novelty consists in the socio-philosophical understanding of the essence of corruption as a serious obstacle to the effective functioning of education as a channel of social mobility, which has devastating consequences for the socio-economic and cultural development of modern society up to the phenomena of social instability.

Keywords: education, channel of social mobility, systemic corruption, corrupt practices, socio-philosophical analysis.

Received 29.01.2024

Nurmukhametova V.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)
Moskovskaya st., 42, Kazan, Russia, 420111
E-mail: Viktonur@yandex.ru